

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В НЕМЕЦКИХ ШВАНКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Рассматривается гендерный дискурс немецкой смеховой литературы эпохи перехода от Средневековья к раннему Новому времени (первая половина XVI в.). На материале шванков И. Паули и Г. Сакса анализируются отношение к браку, представление о женских и мужских моральных качествах, женских социальных ролях. Делается вывод об отсутствии в текстах рассматриваемой эпохи избыточной агрессии в отношениях полов и в то же время о наличии борьбы за утверждение новых ценностей. Как показано, особенно большое внимание авторами шванков уделяется формированию новой мужской идентичности, женщины же выступают как выразительницы норм порядка, моральные цензоры.

Ключевые слова: средневековая смеховая литература; немецкие шванки; первая половина XVI в.; гендерный дискурс; бюргерско-протестантские ценности.

Цель данной публикации – на примере шванков рассмотреть гендерный дискурс немецкой смеховой литературы эпохи перехода от Средневековья к раннему Новому времени. В современной литературе имеются опыты анализа гендерных сюжетов шванков. На первом месте среди них стоит хрестоматийная статья немецкого исследователя Г.-Ю. Бахорского о теме секса и ее связи с распределением властных отношений [1]. Немецкий ученый помещает в центр своего внимания сексуальность, используя ее как достаточно широкое собирательное понятие, включающее в себя отношения между полами в целом, эмоциональность, представления о браке и семье, а также тесно связывая с идеологическим противостоянием разных социальных групп.

Помимо этого, следует назвать небольшую публикацию российской исследовательницы Н.Н. Шевляковой о «философии» супружеской жизни в сочинениях Ганса Сакса [2] и серию статей томской аспирантки Н.В. Хребтовой, обратившейся на материале шванков к роли женщины в городской экономике и хозяйственной деятельности семьи, а также к проблеме насилия во взаимоотношениях полов [3–5]. В отношении общей характеристики жанра большое значение по-прежнему сохраняют исследования немецкой литературы рассматриваемого периода Б.И. Пуришева [6–9]; статьи и монография М.Ю. Реутина, содержащие анализ народной комической культуры Германии XI–XV вв. [10, 11], и, наконец, диссертация Н.Н. Шевляковой, посвященная творчеству Ганса Сакса [12].

Шванки появились на рубеже развитого Средневековья и существовали вплоть до эпохи позднего Возрождения. Как отмечает Б.И. Пуришев, приобретая в позднее Средневековье весьма широкую популярность, в годы Реформации шванки были потеснены публицистическим жанром, более соответствовавшим требованиям ожесточенной религиозной и социальной борьбы. Зато с середины XVI в. они снова наводнили немецкую литературу, когда у утомленных конфессиональными спорами читателей вырос спрос на развлекательные рассказы. Если авторы шванков начала века видели свою задачу в «исправлении людей», то сочинители середины и второй половины XVI в. стали больше заботиться о развлечении, а сами шванки приобрели более «литературный» характер, далекий от проповеднической кафедры [7]. В то же время Г.-Ю. Бахорский

достаточно убедительно показал, что в конце XVI в. произошло нарастание агрессивности и напряженности дискурса шванков [1. С. 63]. Эту точку зрения ученого активно поддерживают его последователи (см., напр.: [4. С. 16–17]). В текстах первых десятилетий XVI в., при сохранении традиционного для этого жанра смехового, карнавального стиля, присутствует не характерная прежде и пропавшая позднее назидательность, дух проповеди [7]. Н.Н. Шевлякова отмечает, что творчество И. Паули и Г. Сакса, как и их современников С. Бранта, М. Лютера и др., так или иначе связано с идеями Реформации и, соответственно, близко по духу светской и религиозной публицистике [12].

Как пишет М.Ю. Реутин, в шванках воплотилась комическая культура Германии, это смеховой жанр, возникший в недрах немецкого средневекового социума. Комические сюжеты шванков, как правило, ординарны – это рассказы с натуральным бытовым колоритом и повседневной речью, обращенные к утилитарным вопросам [11. С. 64]. И в этой повседневности неизбежно находится женщина, так как приватное является признанной областью ее существования. Правда, если следовать точке зрения Г.-Ю. Бахорского, что шванки – сугубо мужская литература, то, используя термин гендерной социологии, речь идет не столько о реальной, сколько о «воображаемой женственности». Почти все шванки так или иначе затрагивают гендерную сферу. В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что одной из основных тем в шванках является семья, выстроенные в ее рамках взаимоотношения супругов [3. С. 53].

Мы обратились к текстам, созданным в первой трети XVI в. и принадлежащим перу двух писателей – Иоганна Паули и Ганса Сакса. Были использованы переводы источников на русский язык, осуществленные известными отечественными учеными В. Топоровым и Б. Пуришевым. Конечно, даже самый хороший перевод зачастую не дает возможности оценить интонацию высказываний, однако такие моменты, как модели отношений между героями, ролевые оппозиции и способы разрешения коллизий, могут быть проанализированы.

При этом Г. Саксу в отечественной литературе отводится неизмеримо больше внимания, чем И. Паули. С изданием сборника Паули исследователи связывают начало истории позднего шванка эпохи Реформации, тогда как с Саксом – пик его развития [10. С. 67; 12].

Выделяют назидательный, антиклерикальный, политико-обличительный и эротический типы шванков. В нашем случае, в отличие от материалов, которыми оперирует Г.-Ю. Бахорский, речь идет скорее не об эротических, а о назидательных текстах.

Автор прозаического сборника «В шутку и всерьез» (1522 г.) И. Паули (ок. 1455 – ок. 1530) [13, 14] – отличающийся благочестием францисканский монах. Текст Паули состоит из отдельных частей, представляющих собой небольшие рассказы – «приклады». К таким «прикладам», то серьезным, то шутивным, нередко обращались проповедники, чтобы сделать свои выступления более наглядными и живыми. Не менее половины рассказов Паули посвящены отношениям полов. Героини в рассказах Паули нередко отличаются распутством – это замужняя хозяйка дома, «спознавшаяся» с прелюбодеем и лежавшая ночь за ночью в его объятиях; «легкомысленная девица», разорившая молодого человека и терзавшаяся, что отпустила его не совсем раздетым; девушка, пришедшая в суд, чтобы наказали ее обольстителя, но, как оказалось, имевшая возможность, но не пожелавшая воспользоваться возможностью постоять за себя, наконец, княгиня-«потаскуха» (пр. 3, 4, 6, 37). Вслед за Г.-Ю. Бахорским отметим, что в данных ситуациях рисуемый И. Паули женский образ имеет скорее отрицательные коннотации. Популярный в средневековой литературе мотив женской ненасытности выступает как оппозиция мужской рассудительности и угроза нарушения социального порядка.

Впрочем, традиционная для Средневековья тема женской сексуальной активности имеет у Паули собственные аранжировки. Она, хотя и оказывается направленной против социальных установлений, не грозит сколько-нибудь серьезным разрушением существующего порядка; более того, по отношению к подобному рода ситуациям автор демонстрирует двойственную позицию. В одной истории женское распутство становится причиной смерти супруга (оказавшийся в гостях монах, напившись, согрешил с хозяйкой и убил приревновавшего хозяина), зато в другой муж принимает известие о крайне беспутном поведении его жены совершенно спокойно и предпочитает его замалчивать (пр. 37, 42).

Да и сексуальное поведение мужчин нередко заслуживает порицание автора. Так, умирающий, едва дыша, желает, чтобы ему привели его «девку» (пр. 10). Купец так привязался к своей любовнице, что долгое время не замечает отсутствия у нее одного глаза (пр. 56). Особенно несдержанной в нравственном отношении представляется Паули аристократия. Некий дворянин оказывается большим «охотником до женского полу» (пр. 2); другой содержит девицу, которая доводит его до полного разорения (пр. 4). Служанка, к которой и в городе приставали мужчины, еще более беззащитна в рыцарском замке, где все заканчивается ее беременностью (пр. 21). При этом оценки Паули мужского распутства двойственны: в одном прикладе устами наставника-учителя говорится, что нет ничего страшного, что молодой человек погуливает, если из него потом выйдет толк; зато в другом слуга дает понять хозяину, что распутничать дурно (пр. 2, 53).

В отношении брака взгляды Паули также неоднозначны. С одной стороны, автор уподобляет его религиозному служению – «суровый орден святого брака» (пр. 5), однако, с другой, супруги оказываются «ближе всего» друг к другу (пр. 17). В одной из историй жена выступает как злейший враг своего мужа, однако сам он оказывается «изрядным пройдохой» и намеренно побуждает ее к враждебным действиям публичным оскорблением (пр. 60). Брак – желательная судьба для женщины. Девушка машет руками, чтобы скорее выйти замуж. Барышни постоянно парят то в мечтах, то в тревогах о будущем муже: что это будет за человек, что за приданое за ними дадут. В отличие от девушек на юношей возлагается ответственность не за отдельную семью, но за весь род (пр. 5, 17).

В соответствии с устоявшимися традициями средневековой литературы критике подвергаются женские личностные качества. Повторяющийся сюжет касается женской болтливости. Один из мужей говорит, что язык его супруги находится в непрестанном движении и днем и ночью; другой – что язык его жены – самое тяжелое, что он имеет, его не могут снести ни он сам, ни его соседи (пр. 28, 138). Упреки в болтливости в гендерной литературе оцениваются как реакция на высказывание женщинами собственного мнения, проявление самостоятельности. Однако И. Паули, хотя и высмеивает это явление, признает его как должное. В одном из прикладов, в ситуации, когда муж запрещает жене думать, она находит возможность продемонстрировать, что это для него невыгодно (пр. 31). Автор также неоднократно указывает на жадность женщин. Две из них, богатая и бедная, поссорились по поводу пряжи и довели свой спор до суда. Муж-плотник нашел кошель с деньгами и пожелал отнести его судьбе, в то время как жена уговаривает его оставить находку себе (пр. 23–24). В гендерной историографии акцентирование темы женской жадности обычно связывается с ростом напряженности среди мужского населения из-за неуверенности в своем экономическом положении, которая усиливается в переходные эпохи; однако в названных сюжетах женщины не составляют конкуренции сильному полу. Среди других женских недостатков, высмеиваемых Паули, встречается склочность, связываемая с распределением власти в семье. Однако женщины и такое качество, как и жадность, направляют не на мужчин, а друг на друга. Так, вражда в деревне двух соседок (вылившаяся в подбрасывание мусора друг другу) прекращается после того, как одна травмирует другую (пр. 29).

В то же время И. Паули охотно признает достоинства женщин. В их числе оказывается религиозность. Некая горожанка мечтает о личной встрече с папой и готова дорого за это заплатить (пр. 46). При общей назидательности дискурса Паули среди его рассказов встречаются сюжеты с «веселыми плутовками», выходами из затеянных ими проделок победительницами. Это кочующий сюжет про хитрую стряпуху-лакомку или история про замужнюю женщину, обманувшую добывавшегося ее вдовца и наказавшую сводню (пр. 51, 57). В шванках Паули присутствует не только негативная, но и позитивная женская идентичность. Любовница оказывается одноглазой (пр. 56), а

благочестивые жены и девицы – молодыми и красивыми (пр. 57, 78). Они активно борются за моральные ценности; одна безнаказанно бьет по лицу пристававшего к ней епископа, другая, как уже упоминалось, вместе с подружками поколачивает сводню.

В творчестве нюрнбергского ремесленника Ганса Сакса (1494–1576) шванки не только составили значительную долю, но и, будучи написанными в стихотворной форме, стали вершиной его поэзии; а их тематическая специфика считается показательной для этого жанра в XVI в. [2. С. 90; 9, 12]. В шванках Сакса выделяют две большие группы, раннего и позднего периодов, отличия которых сложились под влиянием как возраста автора, так и изменения окружающей обстановки [12]. Ганс Сакс уделял гендерной теме достаточно много внимания, немалая часть его шванков посвящена взаимоотношениям супругов. Как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, домашний очаг – его микрокосм, олицетворение благополучия и прочности земных связей. В своих нравственных воззрениях Сакс в пределах бюргерской морали ратовал за дружную семью, в то же время тяготея к изображению внутрисемейных конфликтов, «неполадок» в семейной жизни [2. С. 90–91; 3. С. 53; 9]. Посмотрим, каков их характер и какова вообще гендерная тематика в назидательных стихотворных шванках Г. Сакса начала 1530-х гг. – «Семь жалующихся жен», «Семь жалующихся мужей» (1531), «Словопрение служанки с подмастерьем», «Сетования трех служанок на своих хозяек» (1532) [15–16].

В первых двух историях довольны своей семейной жизнью лишь по одному из семи супругов, в уста которых и вложена мораль: они учат остальных быть внимательными и терпимыми к партнерам. С одной стороны, и мужчины, и женщины высказывают недовольство в отношении противоположного пола, с другой – между ними присутствует определенное равновесие. Супруги сходным образом предъявляют друг другу упреки, обвиняют в неполадках противоположную сторону; похожими представляются даже решения, предлагаемые для урегулирования семейных проблем (доброта и ласка в одном случае; уступки, доброта и правильное воспитание в другом). По мнению Г.-Ю. Бахорского, чем четче граница между полами, жестче представления о противоположности мужчины и женщины, тем чаще между ними возникают конфликты и борьба. На наш взгляд, у Сакса, как и у И. Паули, глубиной пропасти между мужчинами и женщинами в их семейном положении нет. Паули также ответственность за неправильное поведение супругов возлагает равно на мужчин и на женщин, например, когда сокрушается, что и те, и другие вскорости после смерти супруга заводят себе нового мужа или жену (пр. 30–31), или в рассуждении о том, какие непоправимые в экономическом плане последствия будут, если каждому «прелюбодейку» или «прелюбодейке» отрубать руку или заставить носить серые кафтаны (пр. 38).

Возвращаясь к Г. Саксу, отметим, что в его шванках женщины высказывают свое недовольство противоположным полом раньше, чем мужчины, их обиды помещаются на первое место. Как представляется, автор придает большое значение тому, каким должен и каким

не должен быть мужчина. Среди мужских грехов – распутство молодого супруга и скупость и ревность старого, а также лень, пьянство и невежество, игра, воровство и обман, ругань, грубость и драчливость. К аналогичному перечню недостатков и прегрешений в шванке «Словопрение служанки с подмастерьем» прибавляются новые – транжирство, безделье, излишняя забота о своей внешности (завитые, «как кочан капусты», волосы, холеные усы). Предлагая образец мужественности, Сакс выводит на первое место качества, которые соответствуют бюргерским или протестантским ценностям. На наш взгляд, традиционные аристократические модели поведения автором отвергаются, так, наряжающаяся женщина критически уподобляется мужчине-рыцарю, а не наоборот («...разряженная в пух и прах как рыцарь перед посвящением» в шванке «Семь жалующихся мужей»). В «Словопрении служанки...» девушка высмеивает рыцарскую манеру ухаживания как пустую и бесполезную («Я плюю на поклонение такое...»). В качестве достоинств на первом месте фигурирует честь, сохранение которой, в отличие от чести рыцарской, предполагает, что мужчина «...не совсем отстал от Бога» и «даже пьянствует немного», проводит время в мастерской вдалеке от дурного общества, трактиров и вина, проявляет скромность.

Среди женских недостатков оказываются власть и единоличное распоряжение деньгами, раздражительность и скандальность, кокетство, лень и неаккуратность, злословие, иногда пьянство. В шванке «Сетования трех служанок на своих хозяек» жены лишь спят, пьют, едят, кричат и ругаются; без конца наряжаются и красуются в церкви. Эти перечисления явно звучат скромнее, не так ярко и разнообразно, как в отношении мужчин. Интересно, что три из четырех взятых нами шванки Г. Сакса написаны от лица женщин. В «Словопрении служанки...» девушка провозглашает бюргерско-протестантские ценности, выступая против несостоятельного в этом смысле молодого человека; в «Жалобах семи жен» сходная ситуация. В шванке «Сетования трех служанок...» в уста женщин вложена критика представительниц своего же пола. Женщины вообще нередко становятся выразительницами норм гендерного порядка, а в условиях трансформации гендерного кода играют роль распространителей новых идей.

Если говорить о двух авторах в целом, то женщины выступают в их рассказах как хозяйки дома, самостоятельно обращаются в суд, работают в мастерских, и такая их активность не вызывает напряжения со стороны мужчин. Представлена в шванках довольно оживленная женская социальная жизнь – дружба («собрались четыре особы, состоящие в приятельных отношениях, шутившие промеж собой и говорившие друг другу “ты”» (пр. 1)) у Паули; встреча для беседы у источника в роше в шванке «Семь жалующихся жен» Сакса. Женское бытование вне дома выглядит более пристойно и благообразно по сравнению с мужским и не подвергается осуждению. Оценки же мужской социальности (таверна, застолье) носят более амбивалентный характер – иногда это просто собрание для общения молодых людей и обиженных («раздраженных») супругов, иногда – место распутства холостяков и мужей.

(при этом в трактате слышны не только «шутки грубые мужские...», но и «сплетни городские», обычно являющиеся женской прерогативой, причем подвергающиеся суровому осуждению со стороны мужчин).

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать предварительный вывод, что в шванках И. Паули и Г. Сакса первой трети XVI в. (в отличие от второй половины столетия) в отношении полов нет чрезмерной напряженности и агрессии друг к другу; отсутствует и

чересчур негативный образ женщин. Однако на их страницах ведется неустанная борьба за утверждение религиозных и социальных ценностей, которая, если судить по повторяющимся сетованиям на несовершенство человеческого поведения, еще далека от завершения. В этой борьбе особенно большое внимание уделяется формированию новой мужской идентичности; женщины же нередко выступают как носительницы норм порядка, моральные цензоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахорский Г.-Ю. Тема секса и пола в немецких шванках XVI века : пер. с нем. Е.М. Михиной // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре / отв. ред. А.Я. Гуревич. М. : Наука, 1994. С. 5–69.
2. Шевлякова Н.Н. Философия супружеской жизни по Гансу Саксу (На материале шванкового творчества поэта) // Художественно-историческая интеграция литературного процесса : материалы регион. науч. конф. / отв. ред. У.М. Панеш. Майкоп : Адыгейский гос. ун-т, 2003. С. 90–93.
3. Хребтова Н.В. Насилие в бюргерской семье XVI века (на основе анализа шванков Ганса Сакса) // Медиевистика XXI в. Вып. IV: Власть, социальные связи, насилие в период перехода от Средневековья к Новому времени. Томск : ТГПУ, 2009. С. 53–59.
4. Хребтова Н.В. Шванки XVI века: смех жизнеутверждающий или разрушающий // Разрушение и возрождение в истории Германии и России : сб. ст. Междунар. науч. конф. (Томск, 23–25 сентября 2009 г.). Сер. «Германские исследования в Сибири». Вып. 7. Томск : ТГУ, 2010. С. 15–19.
5. Хребтова Н.В. Роль женщины в экономической жизни общества эпохи раннего капитализма на материале «Декамерона» Боккаччо и шванков Ганса Сакса // III исторические чтения ТГПУ : материалы Междунар. науч. конф. 11–12 ноября 2010 г. Томск : ТГПУ, 2011. С. 332–335.
6. Пуришев Б.И. Ганс Сакс // История всемирной литературы : в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М. : Наука, 1985. Т. 3. С. 174–201. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/purishev-nemeckaya-literatura/gans-saks.htm> (дата обращения: 17.07.2010 г.).
7. Пуришев Б.И. Немецкая литература после поражения крестьянской войны. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/purishev-nemeckaya-literatura/gans-saks.htm> (дата обращения: 17.07.2010 г.).
8. Пуришев Б.И. Немецкие прозаические шванки и народные книги эпохи Возрождения // Немецкие шванки и народные книги XVI века / пер. с нем. М. : Художественная литература, 1990. С. 7–22.
9. Пуришев Б.И. Возрождение в Германии и Нидерландах // Пуришев Б.И. Литература эпохи Возрождения. Идея «Универсального человека». Курс лекций. М. : Высшая школа, 1996. 368 с. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/purishev/index.htm> (дата обращения: 17.07.2010 г.).
10. Реутин М.Ю. Комические жанры в литературе средневековой Германии (конструкция раннего австро-германского шванка) // Проблема жанра в литературе Средневековья / отв. ред. А.Д. Михайлов. М. : Наследие, 1994. С. 326–353.
11. Реутин М.Ю. Народная культура Германии. Позднее Средневековье и Возрождение. М. : РГГУ, 1996. 217 с.
12. Шевлякова Н.Н. Ганс Сакс и литература немецкой Реформации: генезис, типология и истоки творчества (фольклор и бюргерская литература) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/germany/shevlyakova-gans-saks.htm> (дата обращения: 3.11.2010 г.).
13. Паули И. В шутку и всерьез : пер. В. Топорова // Немецкие шванки и народные книги XVI века / пер. с нем. М. : Художественная литература, 1990. С. 25–75.
14. Паули И. Смех и дело : пер. Б.И. Пуришева // Хрестоматия по зарубежной литературе. Эпоха Возрождения / сост. Б.И. Пуришев : в 2 т. М. : Учпедгиз, 1962. Т. 2. С. 345–346.
15. Ганс Сакс. Семь жалующихся жен. Семь жалующихся мужей // Хрестоматия. Гендерная история Западной Европы. М. : ИВИ РАН, 2007. Кн. 5. С. 142–155.
16. Ганс Сакс. Словопроение служанки с подмастерьем. Сетования трех служанок на своих хозяек // Себастьян Брант. Корабль дураков. Ганс Сакс. Избранное / пер. с нем. и пред. Б.И. Пуришева. М. : Художественная литература, 1989. С. 222–229.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2012 г.